

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГРАНИЦЫ

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

Козьма Прутков

Статья призвана обозначить узел философских проблем (онтологических, аксиологических, гносеологических), связанных с феноменом границы. Особое внимание привлекают этические ракурсы темы: справедливость и зависть, патриотизм и национализм, уважение и раболепие и т. п. Автор высказывает убеждение, что со временем должна возникнуть специализированная область научного знания — лимитология.

Умение увидеть и осмыслить границу между явлениями можно было бы назвать одной из ключевых способностей человеческого интеллекта. Не нужно быть философом, чтобы отдать себе отчет в повсеместности границ — что, кстати, прекрасно запечатлено фольклором самых разных народов, от А до Я. Вот пять армянских пословиц:

Плач и смех — братья.

Когда всходит солнце, тускнеют звезды.

Между словом и делом — горы и ущелья.

Добрый сосед лучше дальней родни.
(Надо думать, не это наблюдение привело в недоумение одного из читателей газеты «АиФ»: «Почему во Владивосто-

ке Японию называют страной дальнего зарубежья, а Белоруссию — ближнего?»¹).

Они такие близкие, что положишь между ними яйца — сварятся.

А вот примеры японских пословиц на подобную тематику:

В дружбе тоже знай границу.

Чрезмерная вежливость переходит в наглость.

От большого ума недалеко и до глупости.

И глупость имеет пределы.

Дураки — что ножницы: служат так, как ими пользуются.

Действительно, могут ли какие бы то ни было явления, процессы, вещи не иметь границ — временных, пространственных, качественных?!

Словом, вполне закономерно, что с границами вещей и процессов связан целый ряд понятий:

предел, лимит, норма, мера, определение, термин, грань, диапазон, сторона, поверхность, содержание, сфера, форма; количество, величина, емкость, объем, избыток, недостаток, порог, вершина, край, окраина, периферия, оконечность, ограниченность;

изменение, сохранение, скачок, переход, смена, переключение, трансформация, качество, свое/ чужое, внутреннее/ внешнее;

рубеж, межа, Рубикон, зона, полоса, прорыв, разрыв, целостность, рамки;

связь, стык, столкновение, конфликт, воздействие, взаимодействие, взаимоотношения;

соседство, родство, контраст, сходство, отличие;

начало, возникновение, рождение, становление, развитие, идеал, порядок/ беспорядок, акме;

исчезновение, конец, уход, смерть.

Понятно, что приведенный список призван не столько исчерпать возможный перечень понятий, характеризующих все занимающее нас смысловое пространство, сколько обозначить его широту и многоаспектность. Удивительно ли поэтому, что совершенно невозможно отыскать мыслителя, не отдавшего дань размышлениям о границах — интересующего явления, человеческого мира, познания и преобразования людьми действительности. Напрямую понятие «граница» в предельно широком философском смысле упоминает, например, уже Стобей, констатируя: «Сущее состоит из границы и безграничного, как говорит Платон в "Филебе" <...> и Филолай в книгах "О природе"»². У Цицерона есть сочинение «О границах добра и зла». Да и обратившись к Библии,

мы отыщем немало для нас интересного:

«Я положил песок границею моря, вечным пределом, которого не прейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя бушуют, но переступить его не могут» (Иер. 5: 22);

«Черту провел над поверхностью воды, до границ света со тьмою» (Иов. 26: 10); да и, собственно говоря, самая первая фраза Книги Бытия:

«В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1: 1) — уже предполагает две границы: во-первых, между небом и землей и, во-вторых, между появившимся миром и предшествовавшим небытием...

Впрочем, мир взаимодействий не может быть сведен к столкновениям противоположностей. Между подавляющим большинством полюсов нетрудно отыскать не только «экваторы» — нейтральные точки, но и весь *промежуток* от полюса к полюсу всякий раз может быть представлен как континуум.

Между добром и злом, порядком и хаосом, красотой и уродством, истиной и ложью, любовью и ненавистью, благоговением и глумлением и так далее находится нечто более интересное, нежели просто разрыв смысла. Проблема «промежутка» особенно интересна, поскольку хотелось бы понять не только то, что чему́ противостоит в пространстве нравственности или с чем соседствует, но и при каких условиях и во что это имеет шанс преобразоваться. Такой интерес тем оправданнее, что подавляющему большинству обыкновенных людей не суждено ходить ни в героях, ни в классических злодеях. «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!» (Откр. 3: 15). Но разве от этого жизнь наша умалется в достоинстве, утрачивает положительное значение?!

Итак, границы — нечто естественное и интуитивно знакомое каждому из нас. Хотя, сказав: «естественное», тут же следует поправиться, поскольку бывают не только естественные, но и искусственные границы. Границы существуют в пространстве и времени, имеются границы информационные и энергетические. Есть границы вещи (явления), процесса, субъекта, ресурса, отношения. Бывают границы внешние — между разнокачественными или между сходными, родственными объектами, а бывают, так сказать, внутренние границы — между разными градациями одного явления и между частями целого. Есть, наконец, граница между телом и средой. Граница-начало, очевидно, будет носить иной характер, нежели граница-переход (в другое качество, в другую среду) или граница-конец. Пространственно границы существуют в виде точки, линии, полосы, плоскости, объема. Есть граница-пик, граница-спад, граница-перевал, кроме того, есть точки перепада от роста к замедлению или обратно. Есть границы осознаваемые и неосознаваемые, преодолеваемые и непреодолимые; значимые и незначимые, желанные и люто ненавидимые. Граница-фронт, граница-соседство и граница-покров. Привычного и необходимого, пристойного и возможного. Существуют границы дома и чужбины, ада и рая, себя и Другого.

Границы, свойственные времени, знакомы нам с детства — это день рождения, поступление в школу или институт, получение паспорта, призыв на службу в армию и долгожданный «дембель», дни полочки, выход на пенсию, женитьба и прочие значимые события. От этих моментов мы привычно обозначаем отсчет: до нашей эры, после рождества Христова, до революции, после женитьбы, перед или после того, как любимая коман-

да «Зенит» стала чемпионом. На работе и в научной сфере такими границами становятся, например, сроки предоставления очередного отчета или последний день, когда оргкомитет принимает материалы на важную для нас конференцию.

Особого разговора заслуживают границы, связанные с ментальным миром, — границы идеи, идеологии, интеллекта, взаимопонимания, познания себя и окружающего мира, пределы творчества, свободы, справедливости, духовного совершенства.

В любом случае можно смело говорить о том, что границы — их набор, упорядоченность, способы их осмысления, отношение к ним и процедуры их практического освоения — характеризуют личность как субъект культуры.

Биология и медицина пытаются всмотреться в рубеж, отделяющий живое от неживого (клонирование и эвтаназия — только две частные подпроблемы этого проблемного поля). Геометрия, по сути дела, вся построена на рассуждениях о границах — линии, фигуры, тела. Для права значимы, с одной стороны, границы принятого законом и, с другой, — границы допустимого наказания по отношению к нарушителю законов (очень интересна в указанном смысле работа норвежского ученого Н. Кристи «Пределы наказания»)³. Именно особенностью пограничной области обусловлены различия терминов «преступный» и «делинквентный» (в обиходе это различие могут иллюстрировать смысловые нюансы при употреблении слов «вор» и «несун»). В психологии одним из фундаментальнейших вопросов выступает вопрос о границах «Я». Множество примеров удачного использования пограничных взаимодействий дает техника — допустим, так называемые «*p-n*-переходы» в полупровод-

---

никах, а также действие электрических предохранителей, демонстрирующих, не превосходит ли сила тока допустимую, заранее просчитанную величину.

Едва ли не самые эвристически привлекательные сюжеты связаны с нетривиальными зонами, где смыкаются нормативное и ненормативное (или сверхнормативное). Допустим, в языкознании есть прямое указание: «рекомендуется» и столь же прямое «неграмотное», «вульгарное», «просторечное». Но есть также и пометы типа «допускается» или «не рекомендуется». Именно в этой порубежной сфере иной раз «теряется» компьютер, старательно отрабатывающий заложенную в него редакторскую программу. Тут техника начинает входить в конфликт не только с волей владельца, но и со здравым смыслом. Примеры совершенно бестолковых рекомендаций наверняка может вспомнить любой владелец персонального компьютера. Автору этой статьи, в частности, одну из только что приведенных библейских цитат было рекомендовано разбить на два отдельных предложения из-за ее «тяжеловесности». В подобных случаях компьютер исчерпывает кредит доверия, и работающий за ним человек поступает на свой страх и риск, действует за границами запрограммированного контроля. По всей видимости, на такого рода ограниченность техники единственно и рассчитывают шахматисты, дерзающие сразиться с искусственным интеллектом.

Что касается человекознания, свой знаменитый *принцип некомпетентности* С. Н. Паркинсон описал применительно к интеллектуальной стороне человеческой активности⁴. Судя по всему, должны отыскаться соответствующие принципы в сферах энергетики и эмоциональной посильности. «Сорваться», «взорваться», «не потянуть», «сломаться»,

«опустошенность», «себя преодолеть» и многие подобные формулы вовсе не так условны и приблизительны, как могло бы показаться на первый придирчивый взгляд. Понятно, речь не о том, чтобы напрямую переносить в область межчеловеческих отношений опыты сопромата — проверять прочность личности на изгиб, на скручивание, подвергать друг друга испытаниям на сжатие, слом и т. п. Но не мешало бы и всерьез задуматься над содержанием этих аналогий.

Подчеркнем: граница — это всегда нечто зыбкое, нечеткое, подвижное, протяженное. Эта нечеткость обусловлена не только и не столько ограниченностью человеческого восприятия и интеллекта. Нечеткость границы онтологична. А четкость — относительна. Между телами и средой всегда происходит обмен веществом и энергией. Границы на географической карте — при всей их полезности и адекватности тому, что имеется в реальной жизни, — когда мы попадаем на местность, оказываются чем-то весьма условным, размытым, приблизительным. Простая календарная дата в нашей стране растягивается на несколько часовых поясов. Рубеж второго—третьего тысячелетия вообще усилиями юмористов и двоечников простирался с декабря 1999 до января 2001 года. Впрочем, не нужно излишне корить двоечников. Ноль — вообще странное число. Взять, к примеру, ситуацию с десятилетиями: «девяностые» годы — это годы с 90 по 99? Или-таки 2000 год подпадает под 1990-е годы? При совмещении столетий и десятилетия происходит какая-то расстыковка смыслов. Но оставим таинственную материю «время». Обратимся к вещам более простым и наглядным.

Точка кипения воды, если вспомнить, как ведет себя чайник, — вовсе не «точ-

---

ка», поскольку задолго до 100 °С вода принимается шуметь, сначала поднимаются реденькие и мелкие пузырьки, потом они становятся все многочисленнее, начинают увеличиваться в размерах. Вдобавок постепенно становится все более интенсивным процесс парообразования. Так что на простом примере закипания воды в чайнике можно увидеть цену понятию «вдруг». Существует ли абсолютная внезапность? Очевидно, что нет. Да и тень, отбрасываемая физическим телом, носит нечеткие очертания — уже хотя бы потому, что абсолютно контрастное соседство света и тени мог бы дать лишь точечный источник света. Всякая граница может казаться резкой только при взгляде издали.

Особенно проблематично различие нравственно-психологических состояний и соответствующих им категорий. Часто этих категорий попросту не хватает, чтобы передать содержание того, что творится у нас на душе. Есть рассказ о капитане дальнего плавания, который был отдан под суд, поскольку убил пришедшего на борт его корабля человека. При выяснении обстоятельств оказалось, что тот был контрабандистом и предлагал деньги за тайную доставку его груза. На вопрос судьи:

«— Почему же вы его убили?» последовал ответ капитана:

«— Он назвал слишком низкую цену!».

Ну, положим, с контрабандистами и с судьей нам (по счастью) общаться доводится не так часто, но те или иные пограничные состояния каждому из нас хорошо знакомы:

«Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому два».

«Спросишь — дураком окажешься, промолчишь — ослом сделаешься».

«Рад бы в рай, да грехи не пускают».

«Ни Богу свечка, ни черту кочерга».

«Была не была!»

«Быть или не быть?».

Или хрестоматийное про пластинку с выступлением Сталина: «А мне и взять нельзя, и не взять нельзя...»

А где, интересно, проходит граница между упорством и упрямством? Достоинством — и гордыней? Патриотизмом и национализмом? Коллективизмом и групповщиной? Осторожностью и малодушием? Отвагой и бесшабашностью? Скромностью и самоуничижением? Между терпимостью и попустительством? Бережливостью и скарденностью? Щедростью и мотовством? Любопытностью и любопытством? Компромиссом и беспринципностью? Принципиальностью и принципиальничаньем? Здравомыслием и равнодушием? Требовательностью и жестокостью? Исполнительностью и безынициативностью? Самостоятельностью и своеволием? Предприимчивостью и авантюризмом? Инициативностью и бесцеремонностью? Уважительностью и раболепием? Ироничностью и цинизмом? Чувством справедливости и завистью? Или злопамятностью? Отзывчивостью и обидчивостью? Или навязчивостью? Где граница между возвышающим идеалом и парализующим волю кумиром? Как отличить терпимость и мудрость от неспособности ценностного различения и безразличия?

Даже, казалось бы, однозначные, атомарные понятия «эгоист» или «экстремист» — так ли ясны и бесспорны? По поводу первого из них есть довольно старая шутка, кажется, Юлиана Тувима: «Эгоист — это человек, который себя любит больше, чем меня». Про экстремиста тоже можно высказаться приблизительно так: «Это тот, кто свои интересы отстаивает неожиданно радикальными для меня средствами»... Выходит, не очень-то эти понятия атомарны — они,

как и все остальные вышеупомянутые, носят явно соотносительный характер.

Скажем, любой мой поступок (или, более высоким стилем, — любое мое деяние) можно представить как результат сложного переплетения по крайней мере следующих компонентов:

что я мог в данной ситуации сделать

+ *что я хотел сделать*

+ *чего от меня ожидал мой контрагент (Другой)*

+ *как в сходных ситуациях принято поступать в конкретном нашем сообществе.*

Причем, стоило бы подчеркнуть, что каждый из указанных факторов имеет возможность влиять на остальные (мои хотение и возможности взаимосвязаны и в известной степени предопределяют ожидания Другого, которые, в свою очередь, вряд ли будут серьезно отличаться от общепринятых, и т. д.). Если бы мы пожелали представить такое отношение взаимозависимости при помощи зримо-го образа, то имело бы смысл прибегнуть к иному образу, нежели сочетание

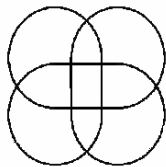

Рис. 1

соседствующих, разделяемых четкими линиями секторов. А, например, — при помощи циклоиды, приблизительно так, как на рис. 1. Итак, границы можно возводить, охранять, раздвигать, преодолевать и прочая, и прочая. Пограничные, приграничные состояния можно осмысливать и переживать (кстати, не стоит путать границу переживания и переживание границы). Многие замечали, что день хорош, и ночь хороша, но особенно красива их встреча-переход — заря. Горы грандиозны, неподражаема ширь полей, долин, но сильнее всего и нагляднее эти красоты проявляются там, где они встречаются (хотя бы в мыслях

поэтично настроенного субъекта). Наверное, не случайно столь часты упоминания порубежных состояний у Пушкина:

«Уж небо осенью дышало»,

«Зимы ждала, ждала природа»,

«Уж разрешалась зима» — и это только несколько наугад выбранных оборотов из «Евгения Онегина»!

И если попутно вспомнить социокультурную, психологическую проблему маргинала, то суть ее не в границе, не в пограничном статусе, а прежде всего в неспособности субъекта идентифицировать себя с каким-то из соседствующих ценностных массивов. Тогда как переживанием человека, оказавшегося «между», может стать не разидентификация, но, напротив, обостренная причастность к одному из лагерей или даже к обоим сразу — чернил и типографской краски не хватит, если мы начнем перечислять выдающихся деятелей культуры — маргиналов, полукровок: тот же А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. И. Даль, И. С. Тургенев... Каждый из нас без труда продолжит список тех, кем по полному праву может гордиться российская и мировая культура.

Не лишено любопытности и показательного то, как определяется дефис в Малом академическом словаре русского языка: «Дефис: короткая соединительная черточка между двумя словами [от лат. *divisio* — разделение]»⁵ (подчеркнуто мною — А. З.: то есть этот знак препинания одновременно и разделяет, и соединяет!).

И здесь, продолжая мысль о соединении и разделении, хотелось бы привести одно высказывание Канта. В «Критике практического разума» он пишет: «Границы между нравственностью и себялюбием столько четко и резко проведены, что даже самый простой глаз не ошибется и определит, к чему относится то или другое»⁶. Думаю, краткая ремарка

ка по поводу данного высказывания не будет воспринята как вольность в отношении к классику немецкой философии. Между нравственностью и себялюбием скорее всего не *граница* в выстраиваемом данным текстом смысле, — тут имеет место различие между мироотношением линейным (эгоцентричным) и объемным (нравственным, учитывающим интересы Другого и окружающих), между линией и пространством:

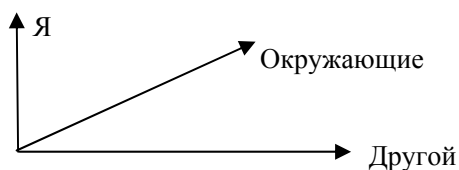

Рис. 2

И еще. Все же, учитывая вышеприведенные наблюдения о сущности границы, можно предположить, что границы в нравственности не столь уж очевидны, как на то указывает классик. Понятно, что в дидактических целях — в экзотерических текстах — упор должен делаться на позитив, на отысканные этикой ответы, а не на запутанности, различия и разногласия. На контрасты, а не на нюансы. Но если тяготение к констатации банальностей становится чересчур явным, если этика не отваживается фиксировать исключения, не пытается осмыслить пограничные ситуации и пределы, но ограничивается рассмотрением усредненных поступков усредненных субъектов, то и философски неподготовленный обыватель легко замечает легковесность мыслительных конструкций.

«Немногословный собеседник может довести до отчаяния, словоохотливый — до преступления», — как-то заметил Дон-Аминадо. Чем обусловлена реакция на внешние стимулы? Насколько она устойчива и типична для данного субъекта

и подобных ему лиц? В какой степени эта реакция предсказуема и можно ли ее предотвратить (видоизменить, окультурить, микшировать)? Насколько богата, разнообразна, тонка в переливах палитра поступков человека? И нужно ли здесь стремиться к богатству? От чего более зависит устойчивость психологических состояний — от конфигурации внутренних границ или от обстоятельств, в которых разворачивается общение? При каких условиях эти состояния чередуют друг друга? Все это вопросы далеко не риторические. В советское время один из довольно смелых анекдотов был о том, что красный цвет поначалу возбуждает, затем раздражает и в конце концов — угнетает. Но не будем о политике.

Вот, скажем, идет защита диссертации. Соискатель, Л. А. Худякова рассказывает, что фильмы А. Сокурова требуют от зрителя не просто скольжения взгляда по поверхности, а духовной работы. В своих фильмах он стремится преодолеть время. Продолжительность сцены им нарочито увеличивается, превышая время, необходимое для ее восприятия. Скольжение нашего внимания по поверхности событийного ряда прекращается, и зритель переходит в созерцание, постижение сущности...

Слушая тонкие рассуждения знатока, у меня как зрителя, тем не менее, могут возникнуть некоторые вопросы, поскольку избыток времени, нарочито кем-то от меня требуемый, лично у меня вызывает или зевоту, или иную эмоцию отторжения. И вывод, что я не тот, на кого рассчитаны фильмы Сокурова, для меня слишком мало что проясняет. Ведь вполне можно представить и такую ситуацию, когда кто-то вполне вменяемый и цивилизованный среагирует на «тяготину», и «выпендрей» не тихо поки-

---

нув зал кинопросмотра и даже не хлопнув дверью, а как-то более резко и социально деструктивно.

Понятно, что способность самому себе устанавливать границы в сфере искусства называется вкусом, а в межличностных отношениях — тактом. Но и у тактичного человека бывают перепады настроения, скачки мысли, неожиданные, может, и для него самого, поступки. Да, мы знаем: в физических явлениях скачку предшествует прыжок, а нередко — и разбег. Мы знаем, что между полюсами лежит экватор. Между крайностями — золотая середина. Между избытком и недостатком — мера. Между отклонениями — норма. Между болезнями — здоровье. Мы помним, что повторение — мать учения. Но отчего-то один, повторяя, совершенствует себя, оттачивает профессионализм, познает себя, а другой — становится механистичным, духовно опустошается, деградирует. От чего зависит то, через какую внутреннюю границу, в каком направлении двинется личность и насколько удачным будет этот поход?

Возможно, со временем возникнет специализированная наука о границах,

которая могла бы не просто взяться за систематизацию истории и географии данной темы, но и совместить в себе онтологию, гносеологию и аксиологию, а также попытаться целостно объяснить, что, как и почему в мире соседствует, как происходят взаимопорождения и взаимопереходы. Одним из мощнейших практических приложений подобной науки (скажем, «лимитологии») оказалась бы педагогика с выверенными рекомендациями по производству заданных качеств человека.

Автору этой статьи встречалась книга, названная «С чего начинается личность». Не исключено, что будет написана и книга «Чем заканчивается личность», где будут рассмотрены пограничные, кризисные точки, о которых человеку надо твердо знать, что — перейди их — и безвозвратно утратишь нечто главное, единожды даруемое и невозобновимое. И очень хотелось бы надеяться, что (пусть и не в рамках лимитологии) будет написана книга о внутренних рубежах, выстраивая которые личность способна не только «начаться», но и состояться — возможно более полно для себя и окружающих.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тихомиров О. АиФоризм // «АиФ». 2001. № 22.
- ² Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. М., 1989. С. 441.
- ³ Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.
- ⁴ Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона. М., 1989.
- ⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой, 2-е изд. Т. 1. М., 1981. С. 394.
- ⁶ Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С. 152.

A. Zimbali

PHENOMENOLOGY OF BORDER

Philosophical problems (ontological, axiological, gnoseological) connected to a phenomenon of border are identified. A special attention is paid to the ethical aspects of the theme: justice and envy, patriotism and nationalism, respect and servility, etc. It is stated that in due course there will emerge a specialized area of scientific knowledge — LIMITOLOGY.